

А ВСЕГО-ТО ДВЕ «ПЯТЕРКИ»...

**Самому
закадычному
«другу» всех
министров
образования
Юрию
Данилину
перевалило
за 55 лет**

Он живет громко, не повышая голоса

Когда он был моим первым начальником в «той самой» «Комсомолке», он выел мне все печеньки.

Странное дело, но естественной в такой ситуации злости это во мне не вызывало.

Впоследствии на моих глазах и в «Комсомолке», где он «дорос» до первого зама главного, и в «Известиях», опять-таки «тех самых», от него доставалось многим.

Человек — это стиль. И в августе 1991-го Данилин на баррикады не рвался, под танки не ложился. Но... На редколлегии еще в полной гэка-чепистско-цэковской силе главный редактор хамил одной из аджубеевско-известинских звезд — Ирине Григорьевне Овчинниковой. Редколлегия опешила и попротихла. Вдруг в этой полной тишине раздался категоричный данилинский голос: «Как вы себе, Николай Иванович, позволяете говорить с женщиной. Вы потеряли достоинство не только редактора, но и мужчины!». Кто помнит те шаткие дни, тот оценит.

В «Комсомольской правде» славных алопарусовских времен была замечательная традиция — каждое первое сентября открывать номер «Актовой лекцией». Маститый ученый, не ниже, скажем, Амосова или Патона, излагал свои взгляды на сферу ныне непопулярную, — образование, знания. Позже, когда академики поочередно в просветительском рвении, а Юрий Валерьевич докочевался до «Литгазеты», он сам принялся сочинять первосентябрьские лекции, не уступая ничуть в блеске мысли и эрудиции научным светилам.

Кстати, о знаниях. Энциклопедичность данилинских знаний абсолютно обескураживающа. Не так давно по телеканалу «Культура» был показан фильм «Переводчик вечности», где Юрий Валерьевич был одновременно сценаристом, ведущим и, естественно, душой проекта. Фильм — о выдающемся музыканте Иване Ивановиче Соллертинском. После его просмотра множество персонажей из мира культуры, умов далеко не средних, в один голос ахнули, имея в виду новую данилинскую телепостась: «Где же вы раньше-то были, Юрий Валерьевич?..». На что он, скромник наш, тихо этак, почти елейно ответствовал: «Так ведь не звал никто...»

Познакомившись некогда в Академгородке, уже маститый ученый Никита Николаевич Моисеев и еще молодой журналист Данилин трогательно дружили четверть века. И все это время, по словам академика, свято блюли и чтили дух критицизма. Подозреваю, что именно этот дух сделал героя данного панегирика человеком «одной группы крови» с цветом советской, а затем российской науки — академиками Лихачевым, Алферовым, Моисеевым...

Впрочем, дух критицизма делал и делает Данилина человеком «одной группы крови» не только с деяниями науки. Десятиклассником из захолустного сибирского поселка Москаленки, он отправился в Ленинград к Фаине Георгиевне Раневской.

Заявившись на «Ленфильм» и протиснув голову в гримерную великой актрисы, он без всяких предисловий выпалил: «Театр гибнет!..». С тех пор их с Раневской связывали долгая и задушевная переписка, дружба. Не так давно он издал удивительные «Записки на клочках» — так, вроде бы обрывки наблюдений, мыслей Фаины Георгиевны, парадоксальностью и глубиной превосходящие, впрочем, множество вымученных, обязательных мемуаров. Рецензии на эти записки по суммарному объему едва ли не превосходят саму книгу.

Или взять, скажем, милое данилинское приятельство с Мстиславом Леопольдовичем Ростроповичем (рюмочка коньячку в буфете «Литературной газеты» была для них делом святым). Или дружеские отношения с семьей Бодровых. (Трагедию в Кармадонском ущелье Данилин переживает как свою глубочайшую личную.)

О его сердечности лучше всех, пожалуй, сказала обозреватель «Комсомольской правды» Инна Павловна Руденко: «И в «Комсомолке», и в «Известиях», и в «Литгазете» он без раздумий и раскачки помогал очень многим. У него просто огромные связи и кругозор в медицинском мире. Впрочем, связи сегодня у многих (с кругозором слабее). Но у него еще — с чем сегодня у большинства совсем плохо — очень доброе сердце. И это главное. И поэтому в день его юбилея я, безусловно, наградила бы, если бы был такой орден, орденом «Доброго сердца».

Сейчас он, как любит сам говорить, удалился в деревню — причесать (ох, и любит же Юрий Валерьевич эту процедуру!) собственные мемуары.

Представляю, как в них достанется «троечникам» по жизни. Как, впрочем, воздастся и «пятерочникам».

...Звонишь ему и в трубку слышишь категорично запыхавшееся: «Ну все, все... Убегаю к своим студентам». Дело в том, что во ВГИКе он не первый год ведет курс научной кинодокументалистики. И не первый год его студенты слушают несегодняшние лекции. То Юрий Валерьевич заведет их к главному онкологу страны Михаилу Ивановичу Давыдову. То отвезет в Абрамцево, почевать на даче вдовы академика Моисеева, чтобы там, при ясной луне, слушать лекции светил астрономов...

Но... Несмотря ни на что, студентам он, как и мне в свое время, выедает печеньки, пачками не принимая зачеты и устраивая выволочки. Однако они, как и я когда-то, на него злобы не таят, скорее, наоборот. И я, кажется, понимаю теперь, почему. Потому что наиругательнейшее, почти что непечатное в его лексиконе слово — «троечник». И он просто, похоже, хочет, чтобы «троечников» вокруг него сновало как можно меньше.

Полагаю, дожив до своих двух «пятерок» так, как он дожил, Данилин имеет на это полное право.

● Георгий ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ